

УДК 141.32

Ю. В. Писная

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СМЫСЛ ЖИЗНИ И САМОУБИЙСТВО: КОРРЕЛЯЦИЯ ПОНЯТИЙ В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКОВ

Проанализировано соотношение между проблемой смысла жизни и феноменом самоубийства в русской философской мысли XIX – первой половины XX веков.*Ключевые слова:* человек, смысл, смысл жизни, жизнь, идея, деструкция, самоубийство, духовность.

Русская мысль XIX – первой половины XX вв. представляет собой духовный ренессанс, способствует приобщению к богатствам духовной жизни человечества. Конец XIX – начало XX вв. являются для России временами существенных, глобальных перемен, которые затронули практически все сферы жизнедеятельности человека. В центре внимания мыслителей, философов этого времени в России оказывается проблема духовной сущности человека, нравственности, морали, воли, веры, смерти и бессмертия, свободы и ответственности, смысла жизни и др. В свою очередь претерпевая ряд трансформаций, Россия XIX века, шагающая к новой лучшей жизни, приобретает такие побочные, деструктивные явления, как социальное разложение общества, потеря и ослабление нравственных идеалов, утрата духовности и веры, массовые самоубийства, враждебность, воплощающаяся в революциях, войнах, убийствах. Русские мыслители исследовали множество проблем духовной сущности человека, тем самым пытались отыскать ответы на главные вопросы, волнующие человека в современном им мире.

Целью данного исследования является анализ и соотношение проблемы смысла жизни и феномена самоубийства в русской философской мысли XIX – первой половины XX веков. Поставленная цель достигается путем разрешения следующих **задач**:

- 1) рассмотреть сущность понятий «смысл», «смысл жизни»;
- 2) проанализировать соотношение смысла жизни и веры (С.Франк);
- 3) выяснить взаимосвязь проблемы смысла жизни и феномена самоубийства;
- 4) раскрыть спасительную силу творчества для человека, утратившего смысл жизни (Н. Бердяев).

Поиски ответов на вопросы о смысле жизни весьма характерны для русской философии. Их исследованию посвятили себя не только Ф. Достоевский, В. Соловьев, Н. Бердяев, но и Л. Толстой, В. Розанов, С. Франк и др. Подобного интереса к данной тематике не наблюдается в Западной Европе. Этот аспект является особенно характерным именно

для России. Следует отметить, что интерес к исследованию проблемы смысла жизни весьма тесно переплетен с общественно-историческими событиями, протекающими в России в отмеченный период (рубеж XIX – XX вв.). Именно события того времени находят отклик у выдающихся философов, в частности, представителей русской религиозной философии.

Обратимся, прежде всего, к самому понятию «смысл», которое вышло за рамки обыденного употребления и оказалось в сфере философских категорий в силу определенных закономерностей неклассического мышления. Так, «смысл – это включенность некоторой частной и ситуативной предметности сознания (как индивидуального, так и межиндивидуального) в общую «картину мира», сложившуюся в этом сознании; такая необходимая связь между ними, без которой ни эта предметность, ни эта «картина» не могут быть помыслены» [2, с. 216].

Парадокс смысла как фундаментального феномена сознания состоит, согласно В. Даренскому, в том, что это такая, особая явленность «бесконечного в конечном», которая соединяет в нечто единое максимальную близость (смысл должен быть «мой», в противном случае он не смысл) с максимальной, актуально бесконечной широтой контекста понимания, без которой это тоже будет не смысл, а лишь ситуативное «значение» чего-то для кого-то [2, с. 217].

Фундаментальный парадокс, который изначально свойственен понятию «смысл», формулирует В. Петрушенко: «Смысл предмета или явления в первую очередь очерчивается той его гранью, которая присуща ему и только ему. Однако все эти характеристики смысла можно выявить опять-таки лишь в бесконечных соотношениях рассматриваемого предмета или явления с другими. Смысл предстает как способ проявления бесконечного в конечном» [6, с. 43].

В соответствии с вышеопределенной формой самого слова «смысл» можно утверждать, что «смысл жизни» есть специфическое образование человеческого сознания, которое соединяет в себе:

1) жизненный индивидуальный путь человека как определенную целостность;

2) индивидуальную жизнь как таковую с целостностью общечеловеческого бытия.

Смысл жизни имеет проективный характер, в связи с чем причиной общего смыслового кризиса всегда является кризис проективного измерения, при котором человеку, как отмечает Г. С. Батищев, «некуда жить». По мнению В. Ю. Даренского, исследовавшего проблему смысла жизни, такой кризис может произойти в двух случаях:

1) когда реализация сформированного смыслового проекта жизни вследствие каких-то причин становится практически невозможной;

2) когда подобный смысловой проект полностью реализован, но обнаружил свою ограниченность, вследствие чего человек попадает в пустоту, которую нечем заполнить.

В русской философской традиции Ф. Достоевский первым задал тенденцию к осмыслению проблемы смысла жизни. Мыслитель отметил: «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле лишь одна и именно – идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные «высшие» идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из нее одной вытекают... Если убеждение в бессмертии так необходимо для бытия человеческого, то, стало быть, оно и есть нормальное состояние человечества, а коли так, то и самое бессмертие души человеческой существует несомненно. Словом, идея о бессмертии – это сама жизнь, живая жизнь, ее окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания для человечества» [3, с. 69 – 71].

В христианстве идея о бессмертии души человеческой непосредственно сопряжена с идеей Бога, который и есть для человека та самая основа и сила, на которую он может надеяться и опираться. Более того, вера в Бога, по образу и подобию которого был создан человек, обуславливает и человеческую веру в бессмертие. Таким образом, вера в Бога равна вере в бессмертие. Причём, обретая веру, человек обретает смысл жизни, о чем неоднократно писал Ф. Достоевский (вспомним Р. Раскольникова).

В свою очередь, русский религиозный мыслитель С. Л. Франк в своей работе «Смысл жизни» представляет оригинальные мысли касательно соотношения смысла жизни и веры. Он обращает особое внимание на антропологический аспект обретения смысла жизни в вере. Так, согласно С. Франку, «религиозное осмысление жизни – раскрытие своей определенности в Боге и связанности с ним – есть по самому своему существу раскрытие человеческой души, преодоление ее безнадежной в-себе-замкнутости в эмпирической жизни. Истинная жизнь есть

жизнь во всеобъемлющем всеединстве, неустанное служение абсолютному целому; мы впервые подлинно обретаем себя и свою жизнь, когда жертвуем собой и своей эмпирической отъединенностью и замкнутостью и укрепляем все свое существо в ином – в Боге как первоисточнике всяческой жизни. Но тем самым мы глубочайшим, онтологическим образом связываем себя со всем живущим на земле и прежде всего – с нашими ближними и их судьбой» [7, с. 76 – 77].

Философ непосредственно задается вопросом о смысле жизни: «имеет ли жизнь вообще смысл, и если да – то какой именно? Или жизнь есть просто бессмыслица, бессмысленный, никчемный процесс естественного рождения, расцветания, созревания, увядания и смерти человека, как всякого другого органического существа?» [7, с. 69]. На определенном этапе своей жизни, рано или поздно, но обязательно перед каждым человеком возникает конкретный вопрос о смысле его собственной жизни. Прискорбно, когда человек пытается подытожить прожитые отрезки жизни, и часто уже в зрелом возрасте понимает, что жизнь прошла, а «жизни»-то и не было. «Случилось что-то ужасное – жизнь прошла, и жизни не было, потому что не было и нет в ней смысла!» – грустно констатирует С. Франк жизненный момент, переживаемый многими людьми.

Особенностью русского человека, по С. Франку, есть жизнь с мечтой о светлом будущем. Большинство русских людей пытались отогнать тоскливые мысли в связи с реалиями текущего дня, в надежде на обновленное и возрожденное общество и русскую жизнь. Настрой русского человека философ резюмирует следующим образом: «Весь смысл жизни – в этом будущем, а сегодняшний день для жизни не в счет» [7, с. 72 – 73].

Кроме того, мыслитель акцентирует внимание на некоторой нравственной болезни русского общества: в целом действий к достижению лучшего будущего было минимум, а вот надежда на будущность являлась максимальной. Иными словами, отмечается негативный факт бездеятельности и безвольности, что сопровождается ожиданиями, чаяниями и надеждами, вполне характерными для человеческой природы.

Вопрос о смысле жизни в России всегда был сопряжен с вопросом: «Что делать?», который приобретает смысловую ценность не в том случае, когда каждый отдельный индивид касательно собственной жизни задает его, а когда суть его меняется с «что делать лично мне?» на «что делать вообще?». Это связано с тем, что не один или несколько человек, а только все сообща в состоянии преобразовать мир и тем самым оправдать собственную жизнь. С. Франк отмечает: «Русский человек страдает

от бессмысленности жизни. Он остро чувствует, что, если он просто «живет как все» – ест, пьет, женится, трудится для пропитания семьи, даже веселится обычными земными радостями, он живет в туманном, бессмысленном водовороте, как щепка уносится течением времени, и перед лицом неизбежного конца жизни не знает, для чего он жил на свете. Он всем существом своим ощущает, что нужно не «просто жить», а жить для чего-то» [7, с. 77]. Иными словами, здесь речь идет о значимости качества жизни, на чем непосредственно акцентировал внимание Л. А. Сенека.

В XIX – начале XX вв. существовало, по меньшей мере, два ответа на отмеченный выше вопрос.

1. Для большинства русских интеллигентов ответ был однозначным: улучшать политические и социальные условия жизни народа, устранить тот социально-политический строй, от несовершенств которого гибнет мир, и вводить новый строй, обеспечивающий царство правды и счастья на земле и тем вносящий в жизнь истинный смысл.

2. Для другого русского духовного типа, хотя и родственного интеллигенции, ответ резюмировался в нравственном совершенствовании. Мир возможно спасти, если только каждый будет жить «разумно», т.е. в согласии с нравственным идеалом (вспомним рационализм Сократа, в т.ч. и в вопросах этики).

Относительно первого ответа С. Франк прискорбно констатирует крушение надежд и связанное с ним распространение бессмыслицы, отмечая, что «добивались этой цели с величайшей настойчивостью, страстностью и самоотверженностью, без оглядки калечили и свою, и чужую жизнь – и добились! И когда цель была достигнута, старые порядки низвергнуты, социализм твердо осуществлен, тогда оказалось, что не только мир не был спасен, не только жизнь не стала осмысленной, но на место прежней, хотя с абсолютной точки зрения бессмысленной, но относительно налаженной и устроенной жизни, которая давала, по крайней мере, возможность искать лучшего, наступила полная и совершенная бессмыслица, хаос крови, ненависти, зла и нелепости – жизнь как сущий ад» [7, с. 77].

Что касается второго ответа на вышеуказанный вопрос, то здесь, в отличие от предыдущего, касающегося внешних проявлений, смысл, вкладывается во внутреннее совершенствование и воспитательную работу над самим собой. Хотя в целом тенденция движения к цели сохраняется прежняя: устройство в мире нового общественного порядка, введение преобразований, установление новых отношений между людьми.

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что в основе обоих ответов лежит все же убеждение в том, что есть то самое общее дело, идея, которые спасут мир, а соучастие в этом даст человеку обретение смысла жизни.

Исследуя проблему смысла жизни, мыслитель отметил важную деталь: каждый из людей явился на этот свет не «даром», а с целью обязательного осуществления какой-то миссии, реализации цели. Каждый человек вырастает с осознанием того, что он необходимо должен осуществить себя, «дать творческий исход» скрытым духовным силам. Таким образом, человек непосредственно задается вопросом о смысле и ценности собственной жизни, и этот вопрос является весьма сложным, метафизическим, таким, на который трудно дать ответ.

Сомневающийся человек не может быть активным в этом мире, поскольку он весь погружен в ослабляющее его самораздвоение, в поиски тех или иных ответов о смысле жизни и своем предназначении, он не может занять господствующее положение, так как не уверен в той активной, творческой силе, которой мог бы воздействовать на мир.

Человек, который задается вопросом о смысле жизни, с одной стороны, представляет собой личность, которая осознает свое особое предназначение на земле, и стремится наиболее полно реализовать себя в этом мире, с другой стороны, подобные вопросы могут свидетельствовать о внутреннем надломе человека, о неутешительных выводах при анализе прожитой жизни. По мнению Н. Бердяева, «творческий акт познания, преодолевающий границы и препоны, может совершать лишь твердо уверенный в своей познавательной силе, лишь цельный, а не раздвоенный человек. Сомнение и раздвоение делают познающего зависимым от мировой данности с ее дурной множественностью, делают рабом необходимости» [1, с. 260].

Человек сложно устроен, поскольку он чувствует в себе и силы, и мощь, а порой и бессилие, осознавая себя на фоне неподвластных ему процессов и стихий – немощным, обезоруженным. В свою очередь, Н. Бердяев замечает: «Человек – точка пересечения двух миров. Об этом свидетельствует двойственность человеческого самосознания, проходящая через всю его историю» [1, с. 264]. Действительно, человек осознает свое величие, мощь, превосходящее положение по отношению к другим формам бытия. Но следует заметить, что одновременно человек понимает и ощущает свою ничтожность, слабость перед мощью и силой природы. В свое время Б. Паскаль писал о человеке как о «песчинке», такой крохотной и несущественной в этом огромном мире. Однако только человек и способен преобразовывать природу, огромный

окружающий мир благодаря своей творческой активной деятельности.

Очевидно, что человеку весьма сложно сознавать себя именно таким, двойственным, противоречивым. Такое понимание собственной ничтожности и величия ведет человека к деструктивным действиям относительно себя самого – суициду. Сознвая свою ничтожность, человек пытается доказать свое величие, совершая самоубийство как протест против собственного слабости. Но, к примеру, для В. Соловьева самоубийство не является признаком слабой воли, поскольку оно требует волевых усилий, а если человек протестует против жизни, значит, силы еще не иссякли. И целесообразно, что В. Соловьев задается вопросом: «Отчего же человеку не воспользоваться этой силой воли для дальнейшей жизни?».

«Человек – одно из явлений этого мира, одна из вещей в природном круговороте вещей; и человек выходит из этого мира как образ и подобие абсолютного бытия и превышает все вещи порядка природы» [1, с. 261], пишет Н. Бердяев. Подобное противоречие внутри человека вызывает у него же самого огромный интерес и жажду самопознания.

Человек настолько сложно устроен, что даже ему самому не удастся до конца осознать и разгадать загадку собственного бытия. Та самая раздвоенность, о которой писал Н. Бердяев, проявляется и в том, что «человек не только от мира сего, но и от мира иного, не только от необходимости, но и от свободы, не только от природы, но и от Бога» [1, с. 262]. Претензии человека на познание себя, своего предназначения порой подавляют познающего. Наличие телесного, физического человека в мире – бесспорный факт, но кто такой человек духовный, познающий, мыслящий? Человек – нечто большее, чем присутствие, бытие в природном мире. По этому поводу Н. Бердяев отмечал: «Человек по существу своему есть уже разрыв в природном мире, он не вмещается в нем» [1, с. 262]. И данная формулировка «не вмещается в нем», выражая всю суть страдания и беспомощности человека, наделенного безграничным духовным миром, чувствами, самосознанием, мыслями, которые столь широки, что толкают к поиску новых горизонтов, смыслов. И это ощущение человеком собственной «тесноты» в мире – с одной стороны, и осознание себя мизерной частицей – с другой создают внутри личности непреодолимые противоречия, разрешающиеся в частности путем суицида как единственно увиденного выхода за грани доступного познанию бытия.

Для Н. Бердяева творчеством является сама философия, что, в свою очередь, означает освобождение от всякой зависимости, от

научной строгости. Мыслитель отмечал: «в философии совершается самоосвобождение творческого акта человеческого духа в его познавательной реакции на мир, в познавательном противлении миру данному и необходимому, а не в приспособлении к нему» [1, с. 268]. Такой творческий акт свободного духа дает возможность выбора и, соответственно, надежду на спасение.

Человеку, увязнувшему в тяготах повседневной жизни, оказавшемуся в замкнутом круге безысходности, порой крайне сложно отыскать конструктивный путь для своего спасения, и он останавливает свой выбор на самоубийстве, не замечая наличия иных путей преодоления своей тягостной безысходности, одним из которых служит *творчество*. Именно в творческом акте открываются иные горизонты, расширяются грани и появляется надежда на спасение.

В творческом акте человек пытается открыть иные горизонты, найти пути собственного развития, реализуя себя. В творческом процессе человек всегда несколько выходит за рамки «мира сего». И Н. Бердяев подчеркивал: «В творческом акте человек выходит из «мира сего» и переходит в мир иной» [1, с. 270]. Именно поэтому творчество есть спасение для суицидента. Посредством творчества человек выражает внутренние противоречия в своих творениях. Ведь в творческом акте суть заключается в том, что мир настоящий, этот мир, не приемлется, в противовес чему происходят попытки созидания нового мира, другого, отличного от предыдущего – собственного. Человек с суицидальными мыслями, так или иначе, желает прервать, прекратить то мгновение его жизни, которое по объективным причинам становится невыносимым для него. Суицидент концентрирует свое внимание лишь на этом, несносном миге в его жизни. Благодаря творчеству человек приобщается к созиданию нового, своего, он посредством действий отрешается от навязчивой и довлеющей над ним мысли о суициде.

Как справедливо отмечает Н. Бердяев, творчество не есть возможность приспособиться к «этому» миру, к его необходимости, это способ перехода за грани этого мира и преодоление необходимости. Творчество учит не быть в процессе необходимости, подобно суициденту, который, столкнувшись с замкнутым кругом несчастья и бессмысленности, убивает себя, а взглянуть на все по-иному, возвыситься над ситуацией, над образовавшимся кругом неудач и бессмысленности и, осознав проблемную точку, расширить горизонты собственных границ.

Творчество выражается в свободе действий. Суицидент же находится в плену необходимости и пребывает в некоторой ловушке этого мира,

где единственным, воображаемым выходом из круговорота тягостных, необходимых и потому бессмысленных событий является суицид. «Творческий акт всегда есть «уход из мира», из этой жизни», – отмечает Н. Бердяев, что, с моей точки зрения, является спасительным кругом для суицидента, ибо выход из отягощающего проблемами и неразрешенными вопросами мира – через творческий акт – есть спасение жизни, самого ценного, что есть у человека. И это спасение противостоит выходу из мира, столь желанному для суицидента, который убиением себя резюмирует итог смерти, а не жизни. Творчество есть торжество жизнеутверждающих позиций – самой жизни. Самоубийство же является отрицанием жизни и мира. Так, Н. Бердяев заключает: «в творческом экстазе побеждается тяжесть мира, сгорает грех и просвечивает иная, высшая природа» [1, с. 271].

Каждый человек уникален и неповторим, в т. ч. в своем стремлении к самореализации. По А. Маслоу, потребности человека классифицируются таким образом, что духовные (познание, самоактуализация, самоутверждение и самоидентификация) являются самыми высокими. Для того чтобы человек смог сконцентрировать свое внимание на духовных потребностях, ему следует в своей жизни удовлетворить ряд других потребностей, которые являются условием для возможности ставить свой вопрос о потребностях духа. Так, необходимо прежде удовлетворить потребности:

- а) физиологические (голод, жажда, половое влечение);
- б) экзистенциальные (безопасность существования, стабильность условий жизни);
- в) социальные (социальные связи, общение, забота о другом, внимание к собственной персоне, совместная деятельность);
- г) престижные (самоуважение, уважение со стороны других, признание другими, достижение успеха и высокой оценки, служебный рост).

Соответственно, в связи с определенными проблемами реализации (удовлетворения) потребностей человека на низших уровнях создаются препятствия на пути реализации духовных потребностей. И наоборот, при удовлетворении потребностей низшего уровня, для человека актуальными становятся потребности более высоких уровней. Конечно, указанная последовательность не является единственной и непоколебимой. Поскольку каждый человек является индивидуальностью, то и расположение приоритетности потребностей для каждого является различным [4, с. 78].

Согласно А. Маслоу, потребность в самореализации – это, прежде всего, потребность выделения собственного

«Я» из общественной массы, выявление и максимальная реализация собственных способностей. По А. Маслоу, данная потребность получает название «самоактуализация».

Самоактуализация – это человеческая попытка более полного проявления и развития собственных личностных возможностей. Потребность в самореализации является актуальным и проблемным вопросом для каждого человека, так как удовлетворить ее полностью практически невозможно. Именно поэтому, часто, претерпевая ряд неудачных попыток реализовать себя, человек теряет надежду и веру в ценность собственной жизни и в пограничные моменты собственной жизни желает уничтожить себя. Противостоять данному желанию, в частности, помогает творчество, процесс которого является, в некоторой мере, беспредельным, бесконечным, таким, в котором для личности стираются грани конечности, что позволяет наслаждаться самим процессом творчества, не прибегая к суицидальным мыслям.

Ярким примером, демонстрирующим «целебные» свойства творчества для «души», есть факт сохранения Ф. Достоевским даже в заключении, в один из самых тяжелых его жизненных периодов, жизнеутверждающих позиций, укреплению которых способствовало его творчество. Н. Наседкин отметил: «Без сомнения, одной из краеугольных опор Ф. Достоевского в заключении было творчество» [5, с. 76]. Ф. Достоевский творил поистине гениальные произведения. Человек – творец, но природа его творений отлична от творений бога: человек не в силах создать живое существо, отмечает Н. Бердяев. Лишь сам бог способен сотворить живой организм, человека, лицо, личность, поэтому основа всякой личности божественна. Таким образом, следует отметить, что, покушаясь на собственную жизнь посредством самоубийства, человек покушается на божественное, убивая себя – убивает бога в себе. Мир данный, который тяготит человека, должен быть преодолен для возможности существования мира свободы и гармонии, в первую очередь, с самим собой.

Таким образом, подводя итоги, следует сделать **вывод**, что в русской философской мысли XIX – первой половины XX вв. проблема самоубийства соотносится с вопросом о смысле жизни. Данный временной отрезок оказался в русской истории временем существенных, глобальных перемен, которые затронули практически все сферы жизнедеятельности человека, начиная с трансформаций в политическом и государственном строе России, далее в науке, философии, религии и заканчивая изменениями в культурном, моральном и экзистенциальном мироощущении человека. Материалистические установки в этот

период времени преобладали над духовными, порождая деструктивные следствия, внешнее проявление которых воплотилось в агрессии народа, революциях, войнах и массовых суицидах. В свою очередь, сложившаяся ситуация стала предпосылкой пробуждения философской мысли, активного поиска ответов на волнующие вопросы о смысле жизни и праве человека на добровольную смерть.

Библиографические ссылки

1. Бердяев, Н. А. Смысл творчества / Н. А. Бердяев // Философия свободы. Смысл творчества. – М. : Правда, 1989. – С. 251-580.
2. Даренский, В. Ю. Смысл жизни как специфическая категория русской классической философии / В. Ю. Даренский // Русская философия: истори, методология, жизнь. – Полтава : ООО «АСМИ», 2011. – С. 212-230.
3. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений: в 10 т. / Ф. М. Достоевский. – М. : Худож. лит., 1956. – Т. 4. – 611 с.
4. Маслоу, А. Г. Мотивация и личность / А. Г. Маслоу. – СПб. : Евразия, 1999. – 478 с.
5. Наседкин, Н. Самоубийство Достоевского. Тема суицида в жизни и творчестве писателя / Н. Наседкин. – М. : Алгоритм, 2002. – 448 с.

6. Петрушенко, В. Л. Принципы диалектики и проблема смысла в культуре / В. Л. Петрушенко // Проблемы философии: Респ. научн. сборник. – Вып. 78. – К. : КГУ, 1988. – С. 39-46.

7. Франк, С. Л. Русское мировоззрение / С. Л. Франк. – СПб : Наука, 1996. – 739 с.

Пісна Ю. В. Сенс життя і самогубство: кореляція понять у російській філософській думці XIX – першої половини XX століть.

Проаналізовано співвідношення між проблемою сенсу життя і феноменом самогубства в російській філософській думці XIX – першої половини XX століть.

Ключові слова: людина, сенс, сенс життя, життя, ідея, деструкція, самогубство, духовність.

Pisna Yu. The sense of life and suicide: correlation concepts in Russian philosophical thought of XIX - early XX centuries.

The relations between the problem of the sense of life and the phenomenon of suicide in Russian philosophical thought of XIX – early XX centuries were analyzed.

Keywords: man, sense, the sense of life, life, idea, destruction, suicide, spirituality.

Надійшла до редколегії: 23.02.2014 р.

УДК 81'22+164

К. В. Райхерт

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

ЧАРЛЬЗ УИЛЬЯМ МОРРИС И ПРАГМАТИКА ЛОГИКИ

Семиотика Ч. У. Морриса допускает прагматику логики при условии, если логические знаки изучают семиотики. Прагматика логики может быть аспектом семиотики логики, который касается происхождения, использования и влияния логических знаков. Это предполагает, что прагматика логики интересуется вопросами философии, истории, психологии и социологии логики.

Ключевые слова: знак, семиотика, логика, прагматика.

В современной лингвистике используются термины «прагмалингвистика», «лингвопрагматика», «прагматическая лингвистика», «лингвистическая прагматика» и «прагматика языка» как идиоматические способы передачи понятия об автономной междисциплинарной области познания, которая имеет дело с «неистинными кондициональными аспектами»; «асpekтами, в которых контекст должен приниматься во внимание»; «асpekтами значения, которые не обнаруживаются, а работают в особых случаях употребления»; «употреблениями, которые создают эти значения» [5, с. 136]. Всё это возможно благодаря единому предмету познания: естественному языку.

Однако такого нельзя сказать о «логической прагматике» и «прагматике логики». Семантика «логической прагматики» предполагает прагматику с точки зрения логики, а семантика «прагматики логики» предполагает прагматику, предметом которой является логика. Очевидно, чтобы изучать что-то с точки зрения логики и изучать логику – это не одно и то же. Более того, предметом логической прагматики является естественный язык, а не логика. Здесь можно провести логическую операцию деления понятия прагматики, в которой основанием деления будет естественный язык как предмет изучения прагматики, а членами деления – лингвистическая прагматика (прагматика, которая изучает естественный язык с точки зрения лингвистики) и логическая прагматика